

К вопросу о документологии и её методологии

Е. А. Плешкевич

*ГПНТБ СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация,
eap1966eap@mail.ru*

Аннотация. Обращение автора к данному вопросу обусловлено высказанными в научной печати неоднозначными оценками в адрес разрабатываемой Ю. Н. Столяровым документологии как всеобщей науки о документе.

Подробно проанализированы научные и методологические предпосылки документологии, её гипотеза, теория относительности документа как методологическая основа, а также законы документологии. Автор делает вывод: гипотеза о разделении понятия «документ» на субстанциональное и функциональное основана на обыденных представлениях об использовании искусственно созданного предмета по прямому и непрямо назначению. Таким образом, данная гипотеза не может считаться научной. Теоретическое восхождение строится на ряде некорректно сформулированных примеров. Научная аргументация подменена рассуждениями манипуляторного характера, начиная с обоснования актуальности и практической значимости исследования и заканчивая цитированием как отдельных авторов, так и нормативных документов. Рассуждения противоречат правилам формальной логики. Наблюдается постоянное смешение теоретических и эмпирических рассуждений. Положения об относительном, условном и конвенциональном статусе документа с научной точки зрения являются некорректными. Предложенные законы не являются научными.

Автор полагает, что его замечания отображают результат следования Ю. Н. Столярова далеко не бесспорным методологическим установкам Поля Отле. Тем не менее проделанная Ю. Н. Столяровым теоретическая работа имеет важное научное значение.

Ключевые слова: методология библиотековедения, документ, теория документа, документология, библиотековедение

Для цитирования: Плешкевич Е. А. К вопросу о документологии и её методологии / Е. А. Плешкевич // Научные и технические библиотеки. 2022. № 6. С. 152–169. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-152-169>

On the problem of documentology and its methodology

Evgeny A. Pleshkevich

*State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation,
eap1966eap@mail.ru*

Abstract. The author's appeal to this issue is caused by ambiguous assessments of documentology in the scientific publications as the universal document developed by Yu. N. Stolyarov.

The scientific and methodological prerequisites for the development of documentology, its hypothesis, the theory of relativity of the document as its methodological basis, as well as the laws of documentology, are analyzed in detail. In his analysis, the author comes to the conclusion that the expressed hypothesis about the division of the concept of a document into the substantive and the functional is based on common ideas on using artificially created objects for the intended or unintended purposes. Therefore, this hypothesis is seen as ascientific. The theoretical ascent is based on the discussion of a number of incorrectly formulated examples taken, as they say, "out of the hat". The scientific argumentation is replaced by manipulative reasoning, starting with the justification of the relevance and practical significance of the study and ending with citing both individual authors and regulatory documents. Reasoning contradicts the rules of formal logic. There is a constant confusion of theoretical and empirical reasoning. The provisions on the relative, conditional and conventional status of the document are scientifically incorrect. The proposed laws are not scientific.

At the same time, the author believes that his comments reflect the results of following methodological guidelines introduced by Paul Otlet, far from indisputable, and thus the theoretical work done by Yu. N. Stolyarov is of great scientific importance.

Keywords: methodology of library science, document, document theory, documentology, library science

Cite: Pleshkevich E. A. On the problem of documentology and its methodology / E. A. Pleshkevich // Scientific and Technical Libraries. 2022. No. 6. P. 152–169. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-6-152-169>

В последнее время на страницах авторитетного журнала «Научные и технические библиотеки» развернулась оживлённая дискуссия о документе, документософском подходе и документологии [1–3]. Участники дискуссии – профессора и доктора наук Ю. Н. Столяров и А. В. Соколов – уважаемые и авторитетные учёные в области библиотечного, библиографического, а также наук об информации и документе. Они оценивают документологию как перспективную фундаментальную научную дисциплину. Осмысление документологии как всеобщей теории документа необходимо для разумной организации документных коммуникаций и библиотечно-библиографического образования [3. С. 15]. Однако в научном и профессиональном сообществе далеко не все согласны с подобной точкой зрения.

Д. А. Эльяшевич, известный учёный, возглавлявший кафедру документоведения и информационной аналитики Санкт-Петербургского института культуры, считает документологию с книговедческой точки зрения методологически беспомощной абсолютной псевдонаукой [4. С. 66]. Столь полярные оценки дезориентируют научное сообщество, создают ситуацию неопределённости, что сдерживает теоретические изыскания по документальной проблематике. При этом вопросы методологии являются одним из направлений документологической дискуссии. Например, отечественный библиографовед Э. К. Беспалова, поставившая под сомнение научную целесообразность документологических терминологических разработок Ю. Н. Столярова, была обвинена им в научной близорукости и методологическом невежестве [5. С. 32]. Сложившаяся ситуация побудила нас принять участие в дискуссии и предметно рассмотреть методологические аспекты. Мы надеемся, что редакция журнала позволит нам высказать свои соображения по этому вопросу.

История разработки документологии и её методологии

Появление в первой половине 1990-х гг. специальности «Документоведение и ДОУ» в вузах культуры стало одной из причин того, что Юрий Николаевич, будучи специалистом в области библиотечного фондирования, обратился к разработке соответствующего учебного курса. Отдавая дань уважения П. Отле и отталкиваясь от его идей, он

предложил теоретическую часть документоведения именовать документологией вместо общего документоведения [6. С. 2]. Однако эта идея не была поддержана специалистами в области управленческого документоведения, которые отказались расширить предметное поле, включив в него книгу как разновидность документа. В результате Ю. Н. Столяров переключился на разработку документологии как собирательной научной дисциплины, объединившей все другие науки о документе. За основу была взята концепция Отле. В качестве предмета был обозначен документ в единстве его информационной и материальной составляющих, закономерности его функционирования, его история и теория [7. С. 3]. Особо оговаривался её собирательный характер, обобщающий всё ценное, что наработано во всех науках о документе [8]. По заявлению Ю. Н. Столярова, к разработке документологии он приступил в 1999 г.

В одной из первых публикаций, посвящённых теории документа, Юрий Николаевич изложил концепцию своего исследования [9]. Отправной точкой им было выбрано определение документа, принятое в Соглашении об уровне услуг (SLA) и приведённое в статье сотрудника Национального консультативного комитета по авиации в Вашингтоне Юд. Б. Джексона: «Под документом понимается любая часть записанной информации, независимо от её формы или использования. Таким образом, отчёты, фильмы, фотографии, карты, перфокарты, намагниченная лента, записи осциллографа – всё это становится документами» [10. P. 151].

Ю. Н. Столяров, ссылаясь на эту статью, заявляет, что будет отталкиваться от самого широкого определения документа как любой записанной информации. В этом предельно широком случае в разряд документов попадает огромное количество объектов «второй природы», то есть тех, в которых материализовалась человеческая мысль (парковый ландшафт, домашнее животное, любой прибор, инструмент, машина). Поскольку приведённое определение слишком широко для практических целей, исследователь вводит ограничения [9. С. 53–54].

Сравнение определений показывает, что ни о каких парках или домашних животных речи в американской статье не велось. Её автор апеллирует к типичному определению документа. Но главное то, что это сравнение демонстрирует искусственность данных исследований

по теории документа, отсутствие конкретных целей и, как следствие, ориентиров для развития. Видимо, понимая это, Юрий Николаевич в заключительной части статьи вступает в полемику с воображаемым оппонентом. Допустим, заявляет этот гипотетический участник диалога, рассуждения по поводу документа верны, что из этого следует? Пока ничего, спокойно отвечает Столяров. Главная задача науки – установить истину. Истина установлена, больше ничего не требуется [9. С. 58]. При этом в начале статьи он говорит о необходимости разработать дефиницию документа с точки зрения практики, а в конце заявляет о том, что выяснение истины относительно документа важно само по себе. Обе эти установки значимы и справедливы, но второе не вытекает из первого, и, следовательно, перед нами один из наиболее изящных видов манипуляции.

Методология документологии

В рассмотренной нами статье Ю. Н. Столяров озвучивает гипотезу, лежащую в основе его теоретических построений. Поскольку она была сформулирована им в неявной форме, опосредованно, уточним её содержание через развёрнутое описание. Документ, отмечает он, может иметь статус субстанциональности и/или функциональности. Субстанциональный документ – это документ по определению, то есть записанная (кем-то, на чём-то, чем-то) информация. На практике же он является документом только в том случае, если выполняет основную функцию – содержит некоторую информацию, существенную для внешнего объекта в каком-либо отношении (функциональный статус документа). Далее он иллюстрирует эту гипотезу известной поговоркой про икону: годится – молиться, не годится – горшки накрывать. В первом случае икона выполняет своё прямое предназначение, во втором – оно игнорируется. Субстанционально оставаясь иконой, функционально икона становится крышкой для посуды [Там же. С. 54].

Нам представляется, что гипотеза о дифференциации представлений о документе на субстанциональные и функциональные является ненаучной. Соответственно, на её доказательстве невозможно построить научную теорию по следующим причинам. Во-первых, во второй части поговорки речь идёт не об иконе, а о физическом материале, которым можно накрыть посуду, и то, что на него нанесено, не имеет

ровно никакого значения. Во-вторых, в теории «негодных» икон, использующихся не по назначению, равно как и документов, не выполняющих свою базовую функцию, быть не может, поскольку на то она и теория, чтобы исключить ситуации, неизбежные в обыденной жизни. В-третьих, обычно предметы создаются для использования по прямому назначению, однако по множеству причин они могут использоваться исходя из физических свойств материала, из которого они изготовлены. В русском языке для обозначения этого процесса есть слово «приспособить», то есть сделать пригодным для использования. В-четвёртых, использование предметов не по прямому назначению не выходит за пределы житейской логики и практики и не влияет на само понятие предмета, поскольку последнее есть продукт осмысления и обобщения, не привязанное к единичному эмпирическому опыту.

В одной из последних работ Ю. Н. Столярова документология трактуется как всеобщая теория документа, как метатеория документной коммуникации. Её объект не обозначен, а предмет трактуется неоднозначно. В рамках первой трактовки предметом назван документ как абстрактное понятие, рассматриваемое на методологическом, теоретическом, историческом и практическом уровнях; перечислены законы существования и функционирования документа, его качественные характеристики и свойства, феномены, составляющие документ, его взаимодействие с внешней средой [1. С. 19, 23]. В данной формулировке нарушена логика научного познания: абстрактное понятие не может рассматриваться на историческом и практическом уровнях, поскольку оно разрабатывается путём абстрагирования от свойств, сторон, состояний и связей эмпирического объекта! Во второй трактовке к предмету отнесены общетеоретические, исторические и организационно-методические проблемы науки о документе. То есть её предметом выступает сама документология, изучающая документ как таковой [2. С. 23]. Это свидетельствует о недостаточной разработанности научных представлений о ней.

Методология теории относительности документа

Теоретическую основу документологии представляет так называемая теория относительности документа [11]. Её ключевая тема – статус документа как научного понятия, то есть правомочность рассмотрения какого-либо объекта как документа. Статус объекта как документа характеризуется относительностью, конвенциональностью и условностью [5. С. 126]. При этом объект может наделяться документным статусом либо утрачивать его. Таким образом, документный статус объекта относителен и зависит от неких изначально заданных условий. По мнению С. Брие, такие условия должны быть заданы применительно к объекту, то есть чтобы получить статус документа, камень должен находиться в коллекции, а антилопа – в зоопарке. В отличие от С. Брие Столяров предъясняет условия не к объекту, а исключительно к субъекту, который должен использовать данный объект для доказывания, свидетельствования или просто получения информации. В итоге проблема статуса документа – это не проблема документа как эмпирического объекта, а проблема наблюдателя и его теоретико-методологических представлений. Ю. Н. Столяров охарактеризовал это как документизм – концептуальный взгляд на мир, восприятие объектов как документов [Там же. С. 66]. Это свидетельствует о том, что, во-первых, разрабатываемая концепция носит исключительно теоретико-методологический характер и её положения невозможно напрямую использовать в прикладных научных дисциплинах. Во-вторых, перед нами та же история с «методологическими очками» с той лишь разницей, что у Аркадия Васильевича они были информационными, а у Юрия Николаевича – документологическими. Отчасти это объясняет неприятие отдельных информационных терминов [2. С. 23].

Относительность статуса документа раскрывается на эмпирическом уровне, путём описания неких ситуаций, в которых объекты либо приобретают данный статус, либо утрачивают его. Другой пример касается так называемых документов «по умолчанию», то есть какой-либо информации, записанной знаками на носителе [5. С. 132]. Что такое документ по умолчанию с методологической точки зрения, если речь идёт о теории, анализирующей абстрактное понятие? Из последующего контекста понятно, что имеется в виду документ как эмпирический

объект. «Одно и то же издание в зависимости от обстоятельств может документом быть или не быть; быть одним или несколькими, или даже многими. Например, непрофильный журнал библиотека документом не посчитает и от его приобретения откажется» [12. С. 71]. К этому примеру Ю. Н. Столяров обращается в своих статьях неоднократно, поэтому остановимся на его разборе детально.

Начнём с того, что такое понятие и может ли оно быть относительным с методологической точки зрения. Ограничимся общепринятым определением понятия как мысли, отражающей в обобщённой форме предметы и явления действительности, и связи с ними посредством общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношений между ними. Иными словами – это мысль в обобщённой форме. По нашему мнению, содержание мысли есть продукт мыслительной или познавательной в широком смысле деятельности отдельного человека или ряда людей, и поэтому оно всегда опосредовано конкретным познавательным процессом. Иными словами, мысль, а следовательно, и всякое понятие как одна из её форм всегда вариативна и относительна. Чем шире понятие, тем оно «относительней». Максимальной широты относительность достигает в идеализированных и абстрактных понятиях. Таким образом, относительно не только понятие документа, но и все другие понятия.

Но при этом в науке существуют принципы относительности, первый из них был сформулирован ещё Г. Галилеем. Он касается относительности симметричности физических процессов, в частности, движения в инерциальных системах. Другой принцип относительности предложил А. Эйнштейн: течение времени зависит от скорости движения и гравитации, то есть в разных инерциальных системах скорость его течения разная. Иными словами, она относительна конкретной инерциальной системы. Из приведённых примеров видно, что понятия движения и времени рассматриваются как универсальные, при этом как относительные рассматриваются их свойства. Это первый аргумент. Второй касается примера с заказом издания. В этом случае библиотекари ориентируются, с одной стороны, на законодательства об обязательном экземпляре и другие нормативно-методические документы, регламентирующие комплектование, с другой – на профиль библиотеки и запросы читателей. Ориентированность библиотечарей на про-

фильность издания можно сравнить с ориентированностью покупателя при выборе костюма на соответствующий размер (при этом костюмы разного размера свой статус не меняют).

Нарушение формальной логики в примере с изданием и библиотекарями заметили не только мы. Данное утверждение, как отмечает А. В. Соколов, неприемлемо с точки зрения формальной логики, потому что противоречит закону исключения третьего (два противоречивых суждения об одном и том же объекте не могут быть одновременно ложными и истинными). То есть одна и та же книга не может быть и документом, и не-документом одновременно [3. С. 28].

Рассмотрим вопросы условности и конвенциональности. Ю. Н. Столяров отмечает, что документ – это то, что условились понимать. Если библиотекари сочтут определённые объекты, например детские игрушки, документами, то ими начнут комплектовать библиотеки [5. С. 133, 184]. То есть условность – это не что иное, как проявление волеизъявления, которое входит в противоречие с представлениями о библиотеке и её функциях.

Известно, что термин *конвенциональный* используется в двух контекстах: в обыденном и традиционном (например, делопроизводственные документы) и в научном, введённом физиком и философом А. Пуанкаре. Согласно ему научные понятия и теоретические построения в своей основе являются продуктами соглашения между учёными, если внутренне не противоречивы и соответствуют данным восприятия. В этом случае нет смысла требовать, чтобы они отражали истинное устройство мира. Все они одинаково приемлемы, и ни одно из них не может быть признано абсолютно истинным. При этом выбор тех или иных положений из множества возможных диктуется практическими соображениями: максимальной простотой и успешным использованием. В этом, втором, значении Ю. Н. Столяров призывает: «давайте согласимся с предложенным мною всеобщим определением документа» [13. С. 16–17]. Мотивы этого не понятны, поскольку в основе согласия должна лежать уже готовая теория документа, устраивающая научное сообщество. Если таковой теории нет, то какой смысл договариваться о содержании дефиниции?

Что касается понятия *документ*, то оно чётко и однозначно не определено. Документ вообще, документ как таковой, заявляет Столяров, пустая абстракция. В реальности его либо не существует, либо им является всё что угодно [14. С. 3]. Тогда что регламентируют законодательные акты об обязательном экземпляре документов, стандарты в сфере делопроизводства и т. д.? Если документ вообще пустая абстракция, то как на основе пустоты можно построить всеобщую и фундаментальную теорию документа? А. В. Соколов говорит об отсутствии информации на эмпирическом уровне, а Ю. Н. Столяров заявляет то же самое применительно к документу.

Раскрывая понятие *статусности* документа, Столяров отмечает, что документы подразделяются на полноценные и неполноценные. «Колода карт без одной из них – документ неполноценный» [5. С. 184]. Что такое неполноценность? Мы полагаем, что это отклонение от некоего идеального образа или состояния, вызванное разными причинами. В силу этого неполноценность может иметь место в реальной жизни. Если же мы говорим о теории, то идеальные предметы всегда полноценны. Таким образом, пример с неполной колодой игральные карты иллюстрирует не нарушение полноценности, а непонимание автором специфики теоретического знания.

Научному сообществу представлена сумма разрозненных и противоречивых, механически сведённых воедино рассуждений о документе как абстрактном понятии. Всё их назначение заключается в том, чтобы разбираться, в каких случаях объект имеет статус документа, а в каких – нет. В рамках данных представлений документом может выступать абсолютно любой объект, от наночастицы до Вселенной. Объём этого «абсолютно любого объекта» безграничен и включает не только предметы, но и людей и животных. Живые люди воспринимаются в качестве документа, если они выступают «в роли выразителей некой идеи, образа, неодушевлённого объекта» [15. С. 30]. Не вполне понятно, что означает пассаж о восприятии людей в качестве неодушевлённых объектов? Живая персона, отмечает Столяров, воспринимается как отвлечённая идея в ряде случаев. В качестве примера приводится такая ситуация: «Договор в ряде случаев заключается с юридическим лицом, то есть учреждением, но их олицетворением является руководитель, то есть живой человек» [Там же]. Аргумент в пользу такой

трактовки – дефиниция документа в международном стандарте. Чтобы не возникло недоразумений, приведём цитату полностью: «Критик (имеется в виду Е. А. Плешкевич) возражает против опирающейся на международный стандарт расширительной трактовки документа как любого материального объекта, свидетельствующего о чём-либо существенном для данной семантической системы» [16. С. 11]. При этом ссылки на конкретный документ Столяров не даёт, хотя известно, что в разных стандартах документ определяется по-разному. Причина этого проста. Вот как описывает её сам Юрий Николаевич. «Стандарт (имеется в виду стандарт ИСО), принятый в 2001 г., трактует документ как записанную информацию или материальный объект, который можно считать единицей документационного процесса. Это определение более точное, чем предыдущие, разработанные той же ИСО. Но у него есть [...] один недостаток – что определяемое совпадает с определяющим, т. е. документ определяется через документационный процесс. [...] Последняя часть определения ИСО подлежит коррекции. Объект можно трактовать как единицу не любого, и не документационного, а семантического процесса» [5. С. 133].

С глубоким сожалением мы вынуждены констатировать, что за мэтром документологии давно водится грешок: замена в цитатах отдельных авторских слов на те, которые подтверждают правоту его высказываний. На это ещё в 1980-е гг. указывал Н. Васильев в своей рецензии на учебное пособие [17], принадлежащее перу Юрия Николаевича [18]. По мнению рецензента, Столяров весьма вольно обращается с рядом ленинских положений. Приводя примеры, подтверждающие факт этих вольностей, автор заявляет, что подтасовка происходит путём добавления «нужного» слова [17. С. 55]. Теперь по существу. Начнём с того, что руководитель никого не олицетворяет, уставными документами ему дано право на осуществление ряда административных действий, включая заключение договоров. При этом юридическому лицу противостоит физическое, а не живое лицо. Признание кого-либо физическим или юридическим лицом регламентируется гражданским законодательством, вне которого понятие теряет смысл.

Е. И. Полтавская, развивающая идеи Ю. Н. Столярова об устном документе, отмечает, что «честное слово» уважаемого человека, сказанное им прилюдно, в ряде случаев может рассматриваться в качестве

документа [19. С. 18]. В нашей недалёкой истории руководители европейских стран и США прилюдно «под честное слово» обещали М. С. Горбачёву, что НАТО, в случае объединения Германии, не будет продвигаться к границам России. Сегодня руководители этих стран либо вообще отвергают факт обязательств такого рода, либо говорят, что «обещать не значит жениться». Насколько более грамотной, по сравнению с нашим экс-президентом, оказалась Марселина – героиня пьесы П. Бомарше «Фигаро», которая не поверила «честному слову» обольстительного Фигаро и составила расписку с требованием либо вернуть долг, либо жениться. Приведённый нами пример демонстрирует, что теоретические представления о документе, вынесенные в сферу практического применения, могут нести в себе угрозу общественным отношениям.

К методологии документологических законов

Фундаментальность документологии призваны обеспечить научные законы, разработанные Ю. Н. Столяровым [5. С. 13–26]. Как известно, научный закон – это необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями. Он выражает связь между предметами, его составными элементами, между свойствами вещей, а также между свойствами внутри вещи. Насколько этим требованиям соответствуют законы документологии? Обратимся к анализу общего закона документизации, согласно которому социально значимый акт нуждается в документарном оформлении. Во-первых, акт не может в чем-то нуждаться, поскольку это действие, совершающееся во времени и пространстве по воле его участников. Другое дело, что государство требует от граждан, должностных лиц и организаций документального сопровождения определённого вида управленческих, экономических и других социальных в широком смысле видов действий, а в случае невыполнения этого требования может признать само действие и его результаты незаконными и применить к нарушителям определённые санкции. При этом требование документального оформления в совокупности с рекомендациями к виду документа, правилам и процедурам его составления и оформления определены законодательно. В этом случае мы имеем дело с юридическими требованиями, а не научным законом. Первым законом документологии обосновывается

необходимость её разработки. Аналогичные законы в других научных дисциплинах нам неизвестны, да и вряд ли существует закон, обосновывающий необходимость разработки математики, библиотекведения и документоведения, поскольку их разработка обосновывается потребностями науки и практики. В силу этого мы полагаем, что данное высказывание сложно назвать чем-то иным, нежели как внутренней интенцией его автора.

Вторым законом документологии определяется, что всякий вид документа может быть вытеснен другим видом документа только при условии, что он во всех отношениях лучше прежнего. Во-первых, следуя общему принципу эволюционного развития, можно отметить, что на смену одним формам и видам деятельности и, как следствие, их результатам приходят новые, более совершенные формы. Во-вторых, новая форма оценивается не по одному признаку или параметру, а комплексно. В силу этого эволюционный переход от одних форм к другим носит плавный, как правило, растянутый во времени характер. В-третьих, с комплексной оценкой явлений и событий мы сталкиваемся в ходе повседневной деятельности, на уровне здравого смысла. Третий закон документологии об автономности информации и его носителя, согласно которому одна и та же информация может быть записана на разных материальных носителях есть проявление самой обычной вариативности и взаимозаменяемости объектов или явлений, составляющих множество. Взаимозаменяемость или субституция не принимает форму закона. Таким образом, изложенные Ю. Н. Столяровым положения нельзя рассматривать в качестве научных законов.

Заключение

Обобщая вышесказанное, отметим, что обращение Юрия Николаевича к документальной проблематике было вызвано потребностью учебного процесса. Что касается соответствующих теоретических изысканий, принявших со временем документологическую направленность, то они не были обусловлены потребностями науки и практики. Высказанная гипотеза о разделении понятия *документ* на субстанциональное и функциональное основывается на обыденных представлениях об использовании искусственно созданного предмета по прямому и непрямому назначению, и, таким образом, данная гипотеза не может

считаться научной. Следовательно, её доказательство не может выступать инструментом построения научной теории. Теоретическое восхождение строится на обсуждении ряда некорректно сформулированных примеров, взятых «с потолка». Научная аргументация подменена рассуждениями манипуляторного характера, начиная с обоснования актуальности и практической значимости исследования и заканчивая цитированием как отдельных авторов, так и нормативных документов. Зачастую рассуждения Ю. Н. Столярова входят в прямое противоречие с правилами формальной логики. Наблюдается постоянное смешение теоретических и эмпирических рассуждений (пример с неполной колодой карт), в которых к теоретическим объектам предъявляются требования, присущие исключительно эмпирическим. Рассуждения об относительном, условном и конвенциональном статусе документа с научной точки зрения являются некорректными. Предложенные им законы не выходят за границы пожеланий и обобщений на уровне житейской логики и, следовательно, являются ненаучными.

Разработанные Юрием Николаевичем теоретико-методологические документологические положения не раскрывают документального характера библиотек и служб библиографии как социально-документальных институтов, а также ведут к их разрушению. Ю. Н. Столяров отмечает, что широкое толкование документа позволяет библиотеке приобретать гербарии, игрушки, иные артефакты, которые могут учитываться и выдаваться читателям наравне с другими документами библиотечного фонда [2. С. 19]. Они и прежде библиотеками приобретались и использовались. Но библиотечный фонд был отдельным от музейного. Теперь же предлагается объединить их в составе единого библиотечного фонда. Это перекликается с мнением В. К. Степанова, который считает важной обязанностью современных библиотек приобретение и бесплатное представление необходимого пользователям инструментария: планшетов, персональных компьютеров, флипчартов, наборов для робототехники, станков лазерной резки, шлемов, костюмов, студий виртуальной реальности и т. д. Наличие данного оборудования позволит создать «общественную мастерскую» [20. С. 12]. Анализ концепции В. К. Степанова представлен нами в отдельной работе [21].

Можно сказать, что оценки, высказанные Д. А. Эльяшевичем, имеют под собой веские основания. Но при этом мы не согласны рассматривать документологию как псевдонауку по следующей причине. Сравнительный анализ работ Ю. Н. Столярова и П. Отле показывает, что Юрий Николаевич опирался на далеко не бесспорные методологические рекомендации Отле, стараясь воплотить их на практике. В качестве иллюстрации приведём лишь две из них. Первая заключается в том, что при создании библиологии как обобщающей науки Отле рекомендовал извлечь из самостоятельных наук все теоретические и практические знания, относящиеся к книге или документу. То есть он предложил использовать его же спекулятивный метод документации. Вторая рекомендация – выведение «всех приложений и достижений» опытным путём [22. С. 257]. Иными словами, использование эмпирических методов в теоретических построениях. Очевидно, что данные методологические рекомендации вступают в прямое и непреодолимое противоречие с методологией научного познания. В результате этого Ю. Н. Столяров в определённой степени был вынужден пользоваться не бесспорными методологическими рекомендациями, взяв на себя ответственность за чужие ошибки и просчёты.

При всех наших критических замечаниях и суждениях мы с большим уважением относимся к профессору Юрию Николаевичу Столярову и проделанной им работе. Выход из кризиса мы связываем с теоретико-методологической коррекцией основных положений документологии, организацией широкой методологической дискуссии.

Список источников

1. **Столяров Ю. Н.** Документология: причины появления, этапы развития // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1. С. 15–26.
2. **Столяров Ю. Н.** Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа // Научные и технические библиотеки. 2021. № 2. С. 15–40.
3. **Соколов А. В.** Документ как предмет научного познания // Научные и технические библиотеки. 2021. № 8. С. 13–38.
4. **Эльяшевич Д. А.** Книговедение: жизнь после смерти // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 55–81.

5. **Столяров Ю. Н.** Документология : учеб. пособие Орёл : Горизонт, 2013. 370 с.
6. **Столяров Ю. Н.** О месте документоведения в системе наук // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2004. № 6. С. 1–3.
7. **Столяров Ю. Н.** Взлёт и падение документалистики // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2005. № 3. С. 1–3.
8. **Столяров Ю. Н.** Зачем документология нужна документоведению и зачем книговедению? Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Научные и технические библиотеки. 2006. № 9. С. 67–73.
9. **Столяров Ю. Н.** Онтологический статус документа и его практическое значение для библиотек // Библиотекосведение. 1999. № 46. С. 50–59.
10. **Jackson E. B.** Inside documentation // *Special libraries*. 1954. Vol. 45. № 4. P. 151–157.
11. **Столяров Ю. Н.** Теория относительности документа // Научные и технические библиотеки. 2006. № 7. С. 73–78.
12. **Столяров Ю. Н.** Сущность информации / Международная Академия информатизации. Отд. «Библиотекосведение»; Государственная публичная научно-техническая библиотека России. Москва : ГПНТБ России, 2000. 106 с.
13. **Столяров Ю. Н.** Документ – понятие конвенциональное (в порядке дискуссии) // Делопроизводство. 2005. № 4. С. 11–18.
14. **Столяров Ю. Н.** Документ как информация специфического назначения // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2011. № 11. С. 2–5.
15. **Столяров Ю. Н.** Устный документ // Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук. 2018. № 2. С. 24–35.
16. **Столяров Ю. Н.** Документологический нигилизм Е. А. Плешкевича // Український журнал з бібліотекознавства та інформаційних наук. 2019. № 4. С. 10–19.
17. **Васильев Н.** Что посеешь «на входе...» // Библиотекарь. 1981. № 4. С. 53–56.
18. **Столяров Ю. Н.** Партийность как основополагающий методологический принцип библиотекосведения и библиотечного дела : учеб. пособие. Москва : МГИК, 1979. 68 с.
19. **Полтавская Е. И.** Информация субъективная, социально-определенная и документ // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2013. № 8. С. 12–19.
20. **Степанов В. К.** Новое видение библиотек как социального института в обществе знаний // Научные и технические библиотеки. 2019. № 1. С. 7–15.
21. **Плешкевич Е. А.** Спасут ли отечественную библиотеку станки для лазерной резки металла? // Научные и технические библиотеки. 2019. № 8. С. 90–98.
22. **Отле П.** Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики / Российская государственная библиотека; пер. с англ. и фр. Р. С. Гиляревского и др.; предисл., сост., коммент. Р. С. Гиляревского. Москва : Фаир-пресс : Пашков дом, 2004. 349 с.

References

1. **Stoliarov Iu. N.** Dokumentologiya: prichiny` poiavleniia, e`tapy` razvitiia // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 1. S. 15–26.
2. **Stoliarov Iu. N.** Ishodny`e postulaty` dokumentologii – vseobshchei` teorii dokumenta // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 2. S. 15–40.
3. **Sokolov A. V.** Dokument kak predmet nauchnogo poznaniia // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 8. S. 13–38.
4. **E`l`iashevich D. A.** Knigovedenie: zhizn` posle smerti // Trudy` Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul`tury`. 2018. T. 217. S. 55–81.
5. **Stoliarov Iu. N.** Dokumentologiya : ucheb. posobie Oryol : Gorizont, 2013. 370 s.
6. **Stoliarov Iu. N.** O meste dokumentovedeniia v sisteme nauk // Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia Ser. 1. 2004. № 6. S. 1–3.
7. **Stoliarov Iu. N.** Vzlyot i padenie dokumentalistiki // Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia. Ser. 1. 2005. № 3. S. 1–3.
8. **Stoliarov Iu. N.** Zachem dokumentologiya nuzhna dokumentovedeniuiu i zachem knigovedeniuiu? Malen`kaia kartinka dlia vy`iasneniia bol`shikh voprosov // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2006. № 9. S. 67–73.
9. **Stoliarov Iu. N.** Ontologicheskii` status dokumenta i ego prakticheskoe znachenie dlia bibliotek // Bibliotekovedenie. 1999. № 4–6. S. 50–59.
10. **Jackson E. B.** Inside documentation // Special libraries. 1954. Vol. 45. № 4. P. 151–157.
11. **Stoliarov Iu. N.** Teoriia otноситel`nosti dokumenta // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2006. № 7. S. 73–78.
12. **Stoliarov Iu. N.** Sushchnost` informatsii / Mezhdunarodnaia Akademiia informatitsii. Otd. «Bibliotekovedenie»; Gosudarstvennaia publichnaia nauchno-tekhnicheskaia biblioteka Rossii. Moskva : GPNTB Rossii, 2000. 106 s.
13. **Stoliarov Iu. N.** Dokument – poniatie konvencional`noe (v poriadke diskussii) // Delo-proizvodstvo. 2005. № 4. S. 11–18.
14. **Stoliarov Iu. N.** Dokument kak informatsiia spetsificheskogo naznacheniiia // Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia. Ser. 1. 2011. № 11. S. 2–5.
15. **Stoliarov Iu. N.** Ustny`i` dokument // Ukraïns`kii` zhurnal z bibliotekoznavsta ta informatitsii`iny`kh nauk. 2018. № 2. S. 24–35.
16. **Stoliarov Iu. N.** Dokumentologicheskii` nigilizm E. A. Pleshkevicha // Ukraïns`kii` zhurnal z bibliotekoznavsta ta informatitsii`iny`kh nauk. 2019. № 4. S. 10–19.
17. **Vasil`ev N.** Chto poseesh` «na vhode...» // Bibliotekar`. 1981. № 4. S. 53–56.
18. **Stoliarov Iu. N.** Partii`nost` kak osnovopolagaiushchii` metodologicheskii` printcip bibliotekovedeniia i bibliotechnogo dela : ucheb. posobie. Moskva : MGIK, 1979. 68 s.
19. **Poltavskaiia E. I.** Informatsiia sub`ektivnaia, sotcial`no-opredmechnaia i dokument // Nauchno-tekhnicheskaia informatsiia. Ser. 2. 2013. № 8. S. 12–19.

20. **Stepanov V. K.** Novoe videnie bibliotek kak sotsial'nogo instituta v obshchestve znaniy // Nauchny'e i tekhnicheskie biblioteki. 2019. № 1. S. 7–15.
21. **Pleshkevich E. A.** Spasut li otechestvennuiu biblioteku stanki dlia lazernoi` rezki metalla? // Nauchny'e i tekhnicheskie biblioteki. 2019. № 8. S. 90–98.
22. **Otle P.** Biblioteka, bibliografiia, dokumentatsiia: izbranny'e trudy` pionera informatiki / Rossijskaia gosudarstvennaia biblioteka; per. s angl. i fr. R. S. Giliarevskogo i dr.; predisl., sost., komment. R. S. Giliarevskogo. Moskva : Fair-press : Pashkov dom, 2004. 349 s

Информация об авторе / Information about the author

Плешкевич Евгений Александрович – доктор пед. наук, канд. ист. наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории информационно-системного анализа ГПНТБ СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация
eap1966eap@mail.ru

Evgeny A. Pleshkevich – Dr. Sc. (Pedagogy), Cand. Sc. (History), Associate Professor, Chief Researcher, Information and System Analysis Laboratory, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
eap1966eap@mail.ru